

И. М. Студитскій.

Русское духовенство

вЪ

ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

1812 г.

Рефератъ, прочитанный въ юбилейномъ засѣданіи Костромского Церковно-Историческаго Общества 26 августа 1912 года.

Кострома. Типографія М. Ф. РИТТЕРЪ.
1912.

И. М. Студитскій.

Отъ признанія вѣковой вѣры.

Русское духовенство

1912. xii/4.

ВЪ

ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

1812 г.

Рефератъ, прочитанный въ юбилейномъ засѣданіи Костромского Церковно-Историческаго Общества 26 августа 1912 года.

Кострома. Типографія М. ф. РИТТЕРЪ.
1912.

Изъ неофициальной части Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, 1912 года, № 19.

Русское духовенство въ Отечественную войну 1812 года.

Рефератъ, прочитанный въ юбилейномъ засѣданіи Костромскаго Церковно-Историческаго Общества 26 августа 1912 г.

Въ день, когда цѣлые милліоны русскихъ людей, во главѣ съ своимъ Державнымъ Вождемъ, молитвенно вспоминаютъ славную въ исторіи нашего Отечества 100—лѣтнюю годовщину съ того времени, когда впервые на поляхъ Бородинскихъ въ раннее августовское утро начало меркнуть для Наполеона и его великой арміи солнце Аустерлица, — о чемъ другомъ можно думать и говорить къ русскому уму и сердцу въ настоящемъ просвѣщенномъ Собраніи, какъ не о событіяхъ этой величавой эпохи? То были дни великаго Божьяго испытанія для всего русскаго народа, когда геніальный непобѣдимый доселѣ вождь — императоръ и съ нимъ двадцать языковъ поработеннаго имъ запада Европы, въ полумилліонномъ числѣ, вторглись въ предѣлы Россіи, чтобы приготовить ей участь Польши время раздѣловъ и затѣмъ уже въ союзѣ съ нею, униженною и поработенною, двинуться къ берегамъ Ганга противъ гордаго Альбіона. независимость котораго при всеобщемъ раболѣпніи Запада предъ „человѣкомъ судьбы“ не давала послѣднему покоя. „Тебѣ—небо!“ кощунственно говорилъ онъ, устремляя взоръ свой вверхъ къ Владыкѣ вселенной, „мнѣ—земля!“ Такова была конечная цѣль его безконечныхъ походовъ.

Онъ былъ великъ; предъ нимъ склонялись
Народы, царства, короли;
Его велѣньемъ измѣнялись
Устои попранной земли.
Его войска непобѣдимо
Шли отъ долинъ, гдѣ Рейнъ шумить,

Къ стѣнамъ тысячелѣтнимъ Рима,
Къ подножью Нильскихъ пирамидъ.
И средь униженной Европы,
Гдѣ былъ владыкой властнымъ онъ.
Предъ нимъ не гнулись, какъ холопы,
Лишь Русь, да старый Альбіонъ.
И вотъ, гордыней обуянный,
Подъ хоромъ лести и похваль,
Россіи бросивъ вызовъ бранный,
Онъ дерзкій замыселъ создалъ.
„Тула, туда, гдѣ ночь зарницу
Не гонить вешнюю съ небесъ,
Гдѣ Петръ воздвигъ свою столицу,
Гдѣ городъ грезы и чудесъ,—
Москва, тотъ Римъ страны полночной.
Что, какъ святыню, чтить земля,
Спитъ въ красотѣ полувосточной
Средь башенъ каменныхъ Кремля;
Я покорю народъ суровый,
Служить мнѣ будутъ казаки,
И съ ними я на подвигъ новый
Пошлю французскіе полки.
Тамъ, гдѣ средь почвы благодарной
Гангъ плещетъ въ тучныхъ берегахъ,
Я Альбіонъ сражу коварный
И мощь его повергну въ прахъ!“

Л. Кологривова.

Не такъ мыслилъ благословенный Богомъ царь и вождь русской земли. Не считая себя полководцемъ, равнымъ Наполеону, онъ предоставилъ командованіе арміей своимъ опытнымъ генераламъ: князю Михаилу Богдановичу Барклаю де-Толли и князю Петру Ивановичу Багратіону, а самъ успѣшилъ въ сердце Россіи — первопрестольную Москву, чтобы здѣсь, у святынь кремлевскихъ, получить благодатную помощь и въ тѣсномъ единеніи со своимъ народомъ найти

новыя силы на великое дѣло служенія отечеству въ наступившую бѣдственную годину. И надежда царя на свой народъ не была тщетна. Въ день 12 іюля, первый день своего пребыванія въ Москвѣ, императоръ Александръ былъ свидѣтелемъ проявленія такого народнаго энтузіазма, что пришелъ въ умиленіе и не могъ удержаться отъ слезъ.

Что же необычайнаго, въ самомъ дѣлѣ, случилось въ этотъ день?

Въ 9 час. утра на высотѣ Краснаго крыльца появился государь и, по обычаю, поклонился народу. Раздалось такое „ура“, которое заглушило звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ и, казалось, страшной силой потрясло все основанія Кремля. На каждой ступени историческаго крыльца множество стоявшихъ на колѣняхъ обнимали ноги государя, цѣловали полы его одежды, обливая ее слезами. У подножья крыльца какой-то старикъ въ крестьянской одеждѣ сказалъ: „Не унывай, государь, видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ. Веди насъ, куда знаешь, отецъ нашъ родимый! Все отдадимъ тебѣ. Все умремъ или побѣдимъ!“

Разстроганный государь едва могъ двигаться сквозь тѣснившійся народъ. Свита пыталась раздвигать его, но государь говорилъ: „Не троньте, я и такъ пройду!“ Казалось, такого единенія царя и народа никогда не видала историческая Москва и встарь. Государь и народъ только обмѣнивались взорами, но въ этихъ взорахъ уже была рѣшена судьба всего, судьба Москвы, судьба войны, судьба Наполеона. При входѣ въ Успенскій соборъ преосвященный Августинъ, епископъ Дмитровскій, за болѣзнь митрополита Платона вѣдавшій въ Москвѣ дѣла церковнаго управленія, привѣтствовалъ государя словами: „Господь силъ съ тобою, царь! Онъ обратитъ бурю въ тишину и умолкнутъ волны потопныя. Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покаяйтесь, яко съ нами Богъ!“

Помолившись у мощей святителей московскихъ и у гробовъ своихъ державныхъ предковъ, государь отправился въ

Слободской дворець. гдѣ собраны были дворянство и городскія сословія.

По прочтеніи Высочайшаго манифеста отъ 6-го іюля о вступленіи непріятели въ предѣлы Россіи, среди дворянъ заговорили: „Теперь не время разсуждать, надобно скорѣе дѣйствовать; кипитъ война необычайная. Она требуетъ мѣръ чрезвычайныхъ. Двинемся съ крестьянами сотнями тысячъ вооружимся, чѣмъ можемъ. Дружинами своими отрѣжемъ, Наполеону путь назадъ, покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію, на свою защиту!“

Въ другомъ залѣ, гдѣ собрались купечество и другія сословія, чтеніе манифеста съ каждымъ новымъ словомъ его все больше воднуетъ присутствующихъ. Но вотъ прочтены слова: „Непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы“, и въ залѣ раздаются грозные клики гнѣва и ярости рвутъ на себѣ волосы, бьютъ себя въ грудь, ломаютъ руки..

Прибыль государь и мгновенно водворилась мертвая тишина. Вотъ онъ говоритъ дворянамъ: „Вы, по примѣру предковъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Этого ожидаетъ отъ васъ отечество и государь.“

— „Готовы умереть. Все, что имѣемъ, отдаемъ тебѣ,“ раздалось по залу, и тотчасъ же стали говорить, сколько поскорѣе вооружить ратниковъ за счетъ дворянства; въ первое же ополченіе рѣшено было снарядить 80 тысячъ и пожертвовать 3 милліона деньгами.

Государь плакалъ, никто не могъ удержать слезъ. Успокоившись нѣсколько, онъ сказалъ: „Я многого ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ, господа, именемъ отечества!“ Простившись съ дворянствомъ, онъ перешелъ въ купеческій залъ и здѣсь также, до глубины души, былъ потрясенъ грознымъ энтузіазмомъ и многомилліонными жертвованіями. Съ поразительной быстротой москвичи собрали между собою 10 милліоновъ на войну.

Взволнованный и умиленный государь много и много раз повторялъ: „Этого дня я никогда не забуду!“

Такъ передаетъ событія этого историческаго дня извѣстный популяризаторъ отечественной старины среди населенія первопрестольной столицы въ наше время В. В. Назаревскій (Русская исторія. Москва. 1910 г., т. II. стр. 81—82).

Высокій патриотическій подъемъ народной души, такъ ясно здѣсь сказавшійся, особенно подъ вліяніемъ обаятельной личности Богомъ благословеннаго Царя, не былъ только минутнымъ порывомъ. Здѣсь именно было положено начало тому стихійному народному движенію, которое захватило всё сословія русскаго государства, безъ различія общественнаго и служебнаго положенія и отчасти, можно сказать, даже пола и возраста. Но подробно излагать сейчасъ то, какую именно жертву на алтарь отечества принесло каждое сословіе въ этотъ годъ великаго испытанія для всей русской земли, — не входитъ въ мою настоящую задачу. Имѣя честь говорить отъ Церковно-Историческаго Общества и предъ лицомъ просвѣщеннаго собранія пастырей церкви, во главѣ съ нашимъ досточтимымъ Архипастыремъ, я избираю предметомъ настоящей рѣчи лишь вопросъ объ участіи русскаго духовенства въ этомъ общенародномъ движеніи противъ Наполеона и его полчищъ. Спѣшу досказать — дѣлаю это отчасти и потому, что мнѣ, вмѣстѣ съ авторомъ статьи: „Роль простого народа въ истребленіи наполеоновской арміи“ (Приложеніе къ № 24 неофициальной части „Церк. Вѣдом.“ за т. г. — „Приходское чтеніе“ № 27, стр. 670—675), больно за наше духовное сословіе, когда нѣкоторые даже изъ ученыхъ изслѣдователей эпохи Двѣнадцатаго года такъ поспѣшно и легкомысленно бросаютъ тѣнь на поведеніе тогдашняго духовенства. Послушайте вотъ, что говоритъ одинъ изъ нихъ:

„При нашествіи врага, всё сословія, всё классы объединились въ одномъ желаніи, въ одномъ чувствѣ... Единственное сословіе, которое не сыграло никакой роли въ вели-

кой народной войнѣ. было духовенство. А между тѣмъ ему могла бы принадлежать прекрасная, высокая роль вдохновителя народныхъ массъ и духовнаго руководителя ими. Правда, нѣсколько священнослужителей отличились въ 1812 г. мужествомъ, самоотверженностью и преданностью религіи. Нѣсколько священнослужителей, съ другой стороны, отреклись отъ своихъ и перешли на сторону непріятелей. А въ общемъ, въ массѣ, какъ сословіе, духовенство осталось лишь свидѣтелемъ развертывавшихся предъ его глазами событій“.

„Когда къ какой—нибудь губерніи или уѣзду приближался непріятель и жители начинали отсылать свои семьи въ безопасныя мѣста,—духовныя лица бѣжали почти отовсюду первыми. И въ бѣгствѣ при общемъ несчастіи, такъ связывающемъ и уравнивающимъ людей, духовенство не сливалось съ народомъ, а продолжало держаться особнякомъ, всеми силами стараясь удержаться на спокойной и выгодной позиціи посторонняго наблюдателя....“

Но довольно цитировать. Тяжело... Какой же отвѣтъ дадимъ мы автору приведенныхъ строкъ? Пусть этотъ отвѣтъ дастъ ему за насъ безпристрастная исторія,—официальные документы, современныя изображаемой эпохѣ хроники и преданія, сохранившія свою живучесть и по сіе время, наконецъ—надгробные памятники на могилахъ героевъ—страстотерпцевъ изъ среды духовенства тогдашняго времени. Когда Правительствующій Сенатъ возвѣстилъ волю Государя о созывѣ народного ополченія, Свят. Синодъ, тотчасъ же собравшись въ полномъ составѣ, постановилъ: 1] пожертвовать изъ прибыльной суммы, получаемой отъ свѣчной въ церквахъ продажи на составленіе народного ополченія 1½ милліона рублей; 2] пригласить епархіальныхъ архіереевъ, монастырскихъ настоятелей и прочее духовенство къ пожертвованію или лично отъ себя, или отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей деньгами, а равно золотыми и серебряными вещами; 3] объявить причетникамъ, дѣтямъ священно и церковно-служителей, при отцахъ нахо-

дящимся, и семинаристамъ не выше риторическаго класса, что ежели кто изъ нихъ пожелаетъ, защищая отечество, идти въ новое ополченіе, на которое призываются все состоянія, таковыхъ увольнять безпрепятственно и для одежды ихъ и на продолствіе позволять церквамъ сдѣлать пособіе изъ кошелековой суммы, остающейся за содержаніемъ церквей, какъ видно изъ дѣлъ Синода, въ значительномъ количествѣ, а равно располагать и прихожанъ къ пожертвованіямъ на означенный предметъ.

Сверхъ этого, Святѣйшимъ Синодомъ было составлено для прочтенія въ церквахъ особое „воззваніе ко всемъ благоговѣрнымъ чадамъ російскія церкви“, въ которомъ читаемъ слѣдующее нарочитое обращеніе къ духовнымъ лицамъ: „Наипаче взываемъ къ вамъ, пастыри и служители алтаря Господня!.. Внушайте сынамъ силы упованіе на Господа силъ. Вооружите словомъ истины простыя души, открытыя нападеніямъ коварства. Все научайте словомъ и дѣломъ не допустить никакою собственностью, кромѣ вѣры и отечества“.

И мы имѣемъ несомнѣнныя данныя утверждать, что архипастыри и пастыри Церкви горячо отнеслись къ призыву Свят. Синода на служеніе родинѣ. Такъ, преосвященный Иринеѣ, еп. Смоленскій, особымъ патріотическимъ воззваніемъ убѣждалъ населеніе не бѣжать отъ многочисленныхъ непріятельскихъ разбѣдовъ, появляющихся еще въ далекомъ разстояніи отъ Смоленска, а напротивъ, составлять отряды для ихъ истребленія. Воззваніе это принесло несомнѣнную пользу.

Во многихъ мѣстностяхъ смоленскаго края жители дѣйствительно вооружились и смѣло двинулись противъ врага. Смоленское духовенство, въ свою очередь, выдѣлило изъ своей среды героевъ—добровольцевъ, защитниковъ родины. Такъ, отечественная хроника войны Двѣнадцатаго года занесла на свои страницы подвигъ дьячка Пятницкой церкви г. Рославля, Саввы Крастелева, о безпримѣрной отвагѣ котораго и доселѣ живы преданія въ смоленскомъ краѣ. Позд-

нѣ прославился геройскими подвигами въ борьбѣ съ врагомъ пономарь села Савелокъ, Сычевскаго уѣзда, Смирягинъ. Во главѣ крестьянскаго отряда онъ отбилъ у французовъ знамя и карту Россіи, за что и былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Въ самомъ Смоленскѣ во дни его осады и занятія врагами высокій примѣръ крѣпкаго стоянія за вѣру, царя и родину явилъ священникъ соборной Одигитріевской церкви и первый историкъ смоленскаго края о. Никифоръ Мурзакевичъ. Взявъ дароносицу и повѣсивъ на грудь икону Богоматери, герой—пастырь, среди пуль и ядеръ, обходилъ на королевскомъ бастионѣ засѣвшихъ во рву солдатъ, благословлялъ ихъ и утѣшалъ, исповѣдывалъ и приобщалъ раненыхъ. Когда его собственный домъ былъ разгромленъ непріятельскими ядрами, о. Никифоръ поселился съ семействомъ на хорахъ соборнаго храма и тамъ высиждалъ до конца штурма Смоленска. Разъ во время молебнаго пѣнія предъ иконою Спасителя въ окно влетѣла бомба и разорвалась среди храма. Силою взрыва поломало клиросы и самого священника бросило въ алтарь. Молящіяся думали уже, что батюшка убитъ, какъ вдругъ, на радость ихъ, онъ вновь появился у царскихъ вратъ среди клубовъ дыма. Онъ же ходатайствовалъ предъ Мюратомъ, королемъ Неаполитанскимъ, и Понятовскимъ, командовавшимъ польскимъ корпусомъ, чтобы посланъ былъ конвой для охраны соборнаго храма отъ мародеровъ и 15-го октября 12-го года въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ напутствовалъ въ вѣчность славнаго партизана—Павла Ивановича Энгельгардтъ, приговореннаго французами къ разстрѣлянью. 15-го августа т. г. на Оконскомъ кладбищѣ, гдѣ покоится прахъ о. Мурзакевича, съ крестнымъ ходомъ была совершена на его могилѣ торжественная панихида.

Но особенно много заботъ, лишеній и подвиговъ въ войну 12 года выпало на долю столичнаго духовенства. Есть извѣстіе (Labaume), что въ моментъ вступленія въ Мо-

скву союзническихъ войскъ „престолы въ церквахъ были убраны, какъ на праздникъ; по множеству зажженныхъ свѣчъ и лампадъ предъ образами святыхъ было видно, что до самаго ухода набожные москвичи усердно молились“. А вотъ и другое извѣстiе, сообщаемое одной проживавшей въ то время въ Москвѣ иностранкой: „Проходя городомъ“, передаетъ она, „я была поражена трогательнымъ зрѣлищемъ: вдругъ слышу вдали заунывное пѣнiе. Подойдя ближе, я увидѣла громадную толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ образами въ предшествiи священниковъ, поющихъ священные гимны. Нельзя было безъ слезъ смотрѣть на эту картину, какъ населенiе столицы покидало городъ въ преднесенiи святынь“ (Верещагинъ В. „1812 г.“ Москва 1895 г. стр. 22).

Такъ напутствовали своихъ пасомыхъ при выходѣ изъ Москвы пастыри церкви, а для тѣхъ, которые не желали оставить родныхъ жилищъ, они совершали божественную службу въ тѣхъ церквахъ, которыя уцѣлѣли отъ пожара и кошунственного разгрома со стороны враговъ.

При вступленiи въ Москву Наполеона въ ней числилось 267 приходскихъ церквей, кромѣ домовыхъ, и 24 монастыря. Изъ нихъ 12 сгорѣло, 115 обгорѣло, изъ остальныхъ многiя были кошунственно разграблены. Но не смотря на весь ужасъ создавагося положенiя, божественная служба совершалась въ церквахъ: Преображенской, на Глинищахъ Троицкой, что на Троицкой ул.; Яннуарiевской въ Запасномъ дворцѣ; Екатерининской, при Воспитательномъ домѣ, и Димитрiевской, что въ Голицынской „Публичной“ больницѣ. Впослѣдствiи, съ особаго разрѣшенiя французскихъ властей, богослуженiе стало совершаться, хотя и съ нѣкоторыми ограниченiями, въ обителяхъ: Новодѣвичьей, Зачатiевской, Рождественской, Ивановской, Срѣтенской; въ приходскихъ церквахъ: Евпловской, на Мясницкой, Харитонiевской, въ Огородникахъ; Петропавловской, на Якиманкѣ; Троицкой, на Хохловѣѣ и Петропавловской, при Петропав-

ловской больницы. Ограниченіе же въ богослуженіи, наложенное французами, состояло въ томъ, что благовѣсть къ церковнымъ службамъ дозволялся только разъ въ день, не ранѣе 8-ми час. утра, и запрещалось чтеніе на литургіи послѣ сугубой ектеніи молитвы „объ избавленіи отъ супостатовъ.“ Потрясающее впечатлѣніе на несчастныхъ жителей столицы производили первые удары колокола, призывающіе къ общественной молитвѣ. по полученіи на нее разрѣшенія.

Вотъ какъ описываетъ эту *первую* службу въ Петропавловской, на Якиманкѣ, церкви современникъ-очевидецъ: „Заслышавъ благовѣсть къ службѣ, мы сначала даже не вѣрили—думали, что это непріятельскіе солдаты потѣшаются на колокольнѣ, такъ какъ они часто производили безпорядочный церковный звонъ.“

Богомольцы, входя въ храмъ, благоговѣнно крестились и творили молитвы. Смотри на исхудалыя блѣдныя лица, выражавшія совершенное истощеніе силъ, на рубища, на то, что они съ трудомъ передвигали ноги, выходя изъ своихъ жилищъ, какъ изъ норъ, изъ подваловъ, и погребныхъ ямъ, —ихъ можно было уподобить возставшимъ изъ гробовъ, вызваннымъ трубнымъ гласомъ въ послѣдній день страшнаго суда...

Молились: одни, преклонивъ колѣна и простерши руки; другіе, ушавъ съ рыданіями на помость, а иные, —неподвижно устремивъ взоръ на распятаго Спасителя. Предъ литургіею, за которой было много причастниковъ, было совершенно малое водоосвященіе. Когда изъ алтаря были вынесены крестъ и св. Евангеліе и положены на аналоѣ, священникъ возгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его“, а клиръ трижды пропѣлъ: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко“, и было совершенно обычное поклоненіе св. животворящему Кресту. Велико было смущеніе присутствующихъ въ храмѣ, когда послѣ діаконскаго возглагошенія: „елицы оглашенніи, изыдите“, они увидѣли трехъ непріятельскихъ солдатъ въ синихъ мундирахъ, стоявшихъ на

колѣняхъ и молившихся со слезами. Богомольцы успокоились, когда узнали, что это были единовѣрные имъ словаки“. („Москов. Церков. Вѣдомости“ 1912 г., № 15).

Забываясь объ удовлетвореніи церковныхъ нуждъ своею паствы, само духовенство, лишившись своихъ жилищъ, изъ которыхъ одни были сожжены, другіе разграблены, — влачилось поистинѣ жалкое существованіе, зачастую помѣщаясь съ своими семьями, какъ сейчасъ было упомянуто, то въ подвалахъ и погребныхъ ямахъ, то въ баняхъ на огородахъ, а иногда прямо на лугу подъ открытымъ небомъ (такъ называемый „Орловъ лугъ“, близъ Нескучнаго сада). Здѣсь среди этихъ несчастныхъ семействъ можно было встрѣтить сцены, запечатлѣнныя глубоко-трагическимъ характеромъ. Ясное понятіе о нихъ даетъ одинъ дневникъ, въ которомъ описаны злоключенія священника Преображенской церкви С. И. Розанова и его семейства. Отрывки изъ него помѣщены протоіереемъ Московскаго Казанскаго собора А. В. Никольскимъ въ № 12 „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“ за текущій годъ. Да, это было существованіе, надъ которымъ тяготѣло пророческое: *тѣданіе, и жалость и горе*. Впрочемъ, это была всетаки жизнь, жизнь иногда въ кругу родной семьи, среди попеченія пасомыхъ, изрѣдка приносившихъ своему дорогому батюшкѣ и матушкѣ запасы провизіи, хотя все это было обгорѣлое, проковченое...

Но были пастыри, которымъ не выпадало и такой незавидной доли. Въ московской хроникѣ того времени отмѣчены случаи, какъ пастыри церкви въ первый же день вступленія непріятели въ городъ, 2-го сентября, сложили свои головы у дверей храма, въ то время какъ своею грудью отстаивали дорогую святыню отъ алчныхъ враговъ. Такою мученическою кончиною извѣстенъ 66-лѣтній старецъ, — священникъ Сорокосвятской, близъ Новоспасскаго монастыря, церкви Петръ Гавриловичъ Святославскій. Желая поближе наблюдать за усиливавшимся въ Таганкѣ пожаромъ, онъ вышелъ изъ своего дома и направился къ церкви. Здѣсь мгно-

венно его окружила толпа непріятельскихъ солдатъ, которые требовали отъ него ключей отъ церкви и выдачи драгоценной утвари. Получивъ отказъ, солдаты подвергли его самымъ жестокимъ истязаніямъ: били его ружейными прикладами, рубили саблями и кололи штыками. Всю ночь мучился этотъ доблестный страдалецъ — священникъ, плавая въ крови. Утромъ 3-го сентября проходилъ мимо какой-то изъ французскихъ офицеровъ и, сжалившись надъ его ужасными страданіями, прикончилъ его земную жизнь, прострѣливъ голову изъ пистолета. — Наскоро зарытый, безъ гроба и отпѣванія, на кладбищѣ Новоспасскаго монастыря, убіенный священно-служитель три раза былъ вырываемъ изъ могилы непріятелями, которые думали найти при немъ золото или серебро, или драгоценныя одежды. 5-го сентября, съ разрѣшенія преосвященнаго Августина, тѣло его еще разъ было вырыто изъ могилы и онъ былъ отпѣтъ по чиноположенію церковному. Очевидны свидѣтельствуютъ, что тѣло его, пролежавъ въ землѣ три мѣсяца и три дня, не было повреждено глѣніемъ и изъ ранъ истекала еще кровь.

На кладбищѣ Новоспасскаго монастыря, недалеко отъ ограды, на могилѣ Петра Гавриловича, поставленъ памятникъ въ видѣ небольшой каменной колонны, съ желѣзнымъ крестомъ на ней. На памятникѣ, обновленномъ въ августѣ т. г., начертаны двѣ надписи. Первая надпись гласитъ:

„Здѣсь скромно погребенъ
Служитель алтаря Господня,
Герой, вкусившій смерть
За вѣру, за Царя
При заревахъ Москвы,
Вселенну изумившихъ
И кары грозныя
На злобу ополчившихъ.
При храмѣ Божіемъ

Онъ палъ, пронзенъ врагомъ.

Живя о Господѣ

Въ безсмертіи святомъ“.

Вторая надпись: „Здѣсь погребенъ Сорокосвятекой, что у Новоспасскаго монастыря, церкви рабъ Божій, священноіерей Петръ Гавриловъ, котораго тѣло предано землѣ черезъ три мѣсяца и три дня по кончинѣ 1812 года. Житія его было 66 лѣтъ“. („Москов. Церков. Вѣдом.“ 1912, № 10).

25-го августа т. г. отъ Московскаго Городскаго Управленія былъ возложенъ на его могилу лавровый вѣнокъ. На память грядущимъ поколѣніямъ, мученическій подвигъ его увѣковѣченъ въ Сорокосвятекой церкви посредствомъ металлической вызолоченной доски, прибитой къ одной изъ храмовыхъ стѣнъ съ изложеніемъ обстоятельствъ его кончины.

Насилія враговъ надъ священно-служителями продолжались и на другой и въ слѣдующіе дни по вступленіи непріятеля въ Москву. Въ этомъ отношеніи особенную безчеловѣчность проявили поляки, мстившіе русскимъ, какъ они сами похвалялись, за Прагу (1795 г. когда это предмѣстье Варшавы взято было штурмомъ фельдмаршаломъ Суворовымъ и вскорѣ наступилъ конецъ Польскому государству). Вотъ фактъ, только по совершенно случайной причинѣ не имѣвшій такого же трагическаго исхода, какъ только что описанное злодѣяніе надъ священникомъ Святославскимъ. Когда пылало Замоскорѣчье, 3-го сентября, поздно вечеромъ, шайки поляковъ съ зажженными въ рукахъ свѣчами ворвались въ домъ священника Троицкой, на Шаболовкѣ, церкви Спиридона Герасимовича. Это былъ уже престарѣлый священно-служитель, совершавшій службу Божію съ 1782 года. Грабители разбрелись по разнымъ комнатамъ, сломали замки, раскалывали сундуки, били посуду и раскидывали разный домашній скарбъ, но, пигдѣ ни найдя ничего драгоцѣннаго, окружили священника и съ яростью кричали: «Попъ—сказывай, гдѣ ты сховаль (спряталь) золото

и серебро?» Указывая на крестъ и св. Евангеліе, лежавшіе на аналоѣ, старецъ отвѣчалъ имъ: „Всѣ сокровища міра— во Христѣ Исусѣ!“ этотъ мужественный и спокойный отвѣтъ священника еще болѣе раздражилъ злодѣевъ и они, выхвативъ изъ ноженъ сабли и потрясая ими надъ его головою, съ неистовствомъ вопили: „Смерть или деньги!“ Тогда о. Спиридонъ указалъ имъ на лежавшій въ углу мѣшокъ съ мѣдными деньгами для раздачи нищимъ.—„Давай золота, серебра!“—кричали грабители. Въ эту минуту старинные стѣнные часы зашипѣли, кукушка прокуковала полночь и вдругъ всѣ комнаты освѣтились отъ пожара загорѣвшагося сосѣдняго дома. Разбойники бросились въ испугѣ вонъ изъ дома. Такъ рассказываетъ очевидецъ происшествія („Москов. Церков. Вѣдом.“ 1912 г. № 11).

Много также всякаго рода насилій испытало и монашество вѣрующее духовенство въ обителяхъ: Заиконоспасской, Никольской, Богоявленской, Покровской, Новинской и Донской.

Для примѣра, отмѣтимъ „заключенія и раны“ о. казначая Богоявленскаго монастыря іеромонаха Аарона и о. архимандрита Никольскаго монастыря Космы.

Болѣе человѣчны были отношенія врага къ женскимъ обителямъ. Здѣсь проявила геройскую находчивость казначая Новодѣвичьяго монастыря монахиня Сарра, спасшая обитель отъ ужасной катастрофы, во-время потушивъ зажженные фитили, приставленные врагами къ боченкамъ съ порохомъ въ соборномъ подвалѣ. Въ память этого событія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ ежегодно совершается крестный ходъ 9 окт. вокругъ храмовъ.

Духовенство уѣздовъ Московской губерніи также выставило рядъ доблестныхъ героев на защиту родины противъ разоіявшихъ ее враговъ. Такі, официальные документы, хранящіеся въ архивѣ Московской духовной консисторіи за 1813—14 г.г., свидѣтельствуютъ о подвигѣ о. ключаря Коломенскаго Успенскаго собора, священника Юанна Твердовскаго; священника Верейскаго Рождествен-

скаго собора Іоанна Никифоровича Скобѣева; Волоколамскаго уѣзда, церкви села Рюховскаго дьячка Василя Григорьевича Рагузина и друг. Первый при повальномъ почти бѣгствѣ жителей изъ города въ виду наступающаго непріятеля былъ „неотлученъ отъ собора“. Словно въ обычное мирное время, онъ ежедневно, съ благовѣстомъ и звономъ, совершалъ утреннее и вечернее богослуженіе, исполнялъ всѣ требы для небольшого числа оставшихся въ городѣ жителей, при чемъ находилъ время охранять церковныя сокровища собора, Брусенскаго монастыря и трехъ приходскихъ церквей. Священникъ г. Вереи о. Іоаннъ Скобѣевъ явился дѣятельнымъ помощникомъ извѣстнаго партизана, генераль-маіора Дорохова, по очищенію Вереи и ея окрестностей отъ непріятеля. Его заслуги въ дѣлѣ защиты родины признавали сами враги. Такъ, о немъ упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ участникъ войны Двѣнадцатаго года, личный адъютантъ Наполеона графъ де-Сегюръ („Походъ въ Москву въ 1812 г.“. Перев. съ франц. Б. Рунтъ. Москва. 1911 г., стр. 79). Но особенно много отваги и находчивости въ дѣлѣ защиты родины проявилъ дьячекъ села Рюховскаго В. Рагузинъ. Вмѣстѣ съ о. діакономъ села Тимошева онъ составилъ отрядъ изъ 500 крестьянъ, которые день и ночь оберегали свои селенія. Къ этому отряду вскорѣ же примкнулъ волоколамскій исправникъ Бѣлевъ со всѣмъ дворянствомъ. Партизанская дѣятельность Рагузина усилилась еще болѣе, когда къ Волоколамску пришли три полка казаковъ подъ командою генера-маіора А. Ф. Беккендорфъ. Но лихими партизанскими набѣгами не ограничивались военныя заслуги Рагузина. Онъ оказалъ неоцѣненныя услуги волоколамскимъ властямъ и какъ военный развѣдчикъ.

Мы доселѣ говорили о служеніи родинѣ въ войну 1812 г. главнымъ образомъ со стороны приходскаго духовенства, на мѣстахъ его постоянного жительства; но воскрешая въ своей памяти его подвиги и страданія, его крѣпкое стояніе за вѣру, царя и родину въ родину бѣдствій

Двѣнадцатаго года, вспомняемъ и тѣхъ пастырей, которые, какъ вѣрноподанные своего государя, послушные его призыву — съ крестомъ въ рукахъ ринулись противъ врага во главѣ боевыхъ дружинъ ополченцевъ и своей геройской отвагой вызвали удивленіе даже въ иноземцахъ. Вотъ что говорить о нихъ г. Фаберъ въ письмѣ за границу къ г-жѣ Сталь: „Съ народными полками—дружинами шли духовныя лица. Вездѣ они были первыми въ огнѣ. Ихъ духъ достоинъ удивленія. Всѣ генералы хвалили ихъ“ („Приходское Чтеніе 1912 г., № 27).

Одушевленіе среди духовнаго сословія въ эти дни бѣдствій отечества было такъ велико, что въ рядахъ ополченцевъ вмѣстѣ съ отцами—пастырями шли и ихъ дѣти, даже школьники. Такъ и въ костромское ополченіе, дѣйствовавшее подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бардакова и потомъ барона Розена—съ половины декабря 1912 г. по 10 октября 1814 г., въ составѣ 4 пѣшихъ и одного коннаго полка,—вступили 21 воспитанникъ мѣстной духовной семинаріи и, кромѣ того, костромскіе семинаристы пожертвовали на ополченіе 200 руб., которые были завѣщаны на ихъ личныя нужды почившимъ незадолго прель тѣмъ († 7 декабря 1811 г.) костромскимъ архипастыремъ преосвященнымъ Евгеніемъ. Такъ дѣйствовали, съ такимъ самоотверженіемъ шли противъ общаго врага родины добровольные соратники-пастыри временныхъ боевыхъ дружинъ.

А что сказать про военное духовенство регулярной боевой арміи?

Почтенный протопресвитеръ морского и военнаго духовенства въ наше время Георгій Іоанновичъ Шавельскій, специально занимавшійся этимъ вопросомъ, не находитъ словъ, чтобы достаточно полно и глубоко выразить всю силу подвига священно-служителей разныхъ воинскихъ частей, проявленную ими въ войнѣ Двѣнадцатаго года на пезвочныхъ пунктахъ и на самыхъ поляхъ битвъ,—подъ градомъ вражескихъ пуль, подъ свистъ картечи и стоны уми-

раюющихъ. Съ крестомъ въ рукахъ, съ забвеніемъ себя и своихъ присныхъ, шли они впереди воиновъ, воодушевляя ихъ на подвигъ бранный. облекали словомъ утѣшенія послѣднія минуты умиравшихъ, напутствовали въ иной міръ благословеніемъ церкви умершихъ. „Большинство этихъ подвиговъ“, говоритъ о. протопресвитеръ, „нерѣдко безпримѣрныхъ по высотѣ христіанскаго самоотверженія и глубокаго пониманія своего долга, совершенныхъ военными пастырями въ Двѣнадцатомъ году, останутся неизвѣстными для міра, такъ какъ такіе подвиги сплошь и рядомъ совершаются непримѣтно для человѣческаго глаза, при свидѣтеляхъ, отходящихъ въ иной міръ и не могущихъ никому повѣдать о нихъ“. (Чит. его брошюру: „Военное духовенство въ борьбѣ Россіи съ Наполеономъ“ Москва, 1912. стр. 16).

„Пройдутъ года, вѣка... въ грядущемъ поколѣнн
Героевъ и вождей немногихъ имена
Сольются съ повѣстью привычной о сраженн
И будетъ повторять ихъ съ гордостью страна.
Но сколько, сколько тѣхъ, кто полонъ жаждой славы,
Тамъ слышалъ, падая, безсмертья голоса?
Подъ вѣтромъ шелестя, растутъ надъ ними травы
И плачетъ по ночамъ небесная роса“.

Л. Кологривова.

Тѣмъ цѣннѣе извѣстія о патріотическихъ подвигахъ военнаго духовенства, хотя въ маломъ размѣрѣ дошедшія до насъ, и тѣмъ болѣе, если они основаны на официальныхъ документахъ, на свидѣтельствахъ очевидцевъ — военныхъ начальниковъ.

Протопресвитеръ Шавельскій въ вышеуказанной брошюрѣ приводитъ до 30 именъ военныхъ священниковъ, объ отличіи которыхъ въ войну Двѣнадцатаго года говорятъ архивные документы. Въ этомъ длинномъ ряду патріотовъ — пастырей особенно ярко блещутъ имена священниковъ:

Ахтырскаго гусарскаго полка—о. Ѳеодора Раевского; Волынскаго пѣхотнаго полка—о. Василя Шитиковича; 34-го егерскаго полка о. Фирса Никифоровскаго; 19-го егерскаго—о. Василя Васильковскаго и протоіерея кавалергардскаго полка—о. Михаила Гратинскаго. По изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Россіи, государь щедро наградиль пастырей —патріотовъ, а священнику Васильковскому, по особому представленію о немъ главнокомандующаго князя Михаила Иларіоновича Кутузова, пожаловалъ даже орденъ св. Георгія 4-й ст. Это былъ первый случай такой награды священнику.

Находимъ умѣстнымъ сказать теперь свое заключительное слово.

Обозрѣвъ фактическій матеріаль по взятому предмету рѣчи (конечно, въ той мѣрѣ, въ какой это оказалось для насъ доступнымъ), мы приходимъ къ тому выводу, что нѣтъ данныхъ для того тяжкаго обвиненія духовенства „12-го года“, которое высказано авторомъ приведенной нами въ началѣ цитаты. Напротивъ, мы видимъ, что духовенство большихъ и малыхъ городовъ и селеній русской земли при нашествіи враговъ слилось со всѣмъ русскимъ народомъ въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ, въ одномъ рѣшеніи—грудью стоять за вѣру и отечество, не останавливаясь ни передъ какими жертвами— до готовности отдать самую жизнь за благо родины. Не „подъ прикрытіе лѣса“ впереди бѣгущаго населенія городовъ, сель и деревень, какъ хочется думать выше цитированному нами автору, спѣшило русское духовенство при появленіи непріятельскихъ разъѣздовъ и цѣлыхъ военныхъ отрядовъ,—нѣтъ! Съ крестомъ въ рукахъ отстаивало оно дорогую святыню у дверей родного храма противъ алчнаго врага, или вмѣстѣ съ паствою горячо молилось предъ алтаремъ о спасеніи родины; шло впереди воиновъ на поляхъ битвъ, поражаемое иногда на смерть непріятельской пулей, или спѣшило на перевязочный пунктъ напутствовать павшихъ за родину...

Само время рождало героевъ. „Скромные сельскіе пастыри, робкіе въ обыденной жизни, простые монахи, даже низшіе церковно-служители превращались въ пламенныхъ проповѣдниковъ, въ героевъ святого долга, готовыхъ радостно принять мученическій вѣнецъ въ эту годину великой народной скорби! Своею преданностью вѣрѣ и родинѣ, своею стойкою, непоколебимою вѣрою русское духовенство въ Двѣнадцатомъ году много способствовало подъему народнаго духа, успѣхамъ народной войны и доброму настроенію самой арміи“. (К. А. Военскій. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. Москва. 1912., стр. 59—60).

Да не подумаетъ кто, будто мы, говоря о русскомъ духовенствѣ Двѣнадцатаго года, вознамѣрились произнести здѣсь въ честь его диэирамбъ. Нѣтъ! Говоря отъ лица ученаго учрежденія, мы старались, по мѣрѣ силъ, быть объективно-безпристрастными и сообщать лишь то, о чемъ свидѣлствуютъ оффиціальныя документы и современныя той эпохѣ хроники. Не замолчимъ посему и того, что на свѣтломъ фонѣ развертывающейся предъ нами картины подвиговъ духовенства въ войну Двѣнадцатаго года есть и темныя пятна (а гдѣ ихъ не бываетъ?!), но все они исчезаютъ въ лучахъ его славы. Благодареніе Богу! Наше духовенство на всемъ протяженіи многовѣковой отечественной исторіи всегда служило великой опорой благоустроителямъ русской земли—великимъ князьямъ и царямъ, а во дни лихолѣтья являло собой высокій примѣръ крѣпкаго стоянія за вѣру, царя и родину. Вспомнимъ подвиги великихъ московскихъ святителей: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, дивнаго подвижника лѣсовъ радонежскихъ—преподобнаго Сергія, великихъ патріотовъ—патріарховъ Гермогена и Филарета, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына. Правда, то были исключительныя личности, вѣками посылаемыя Провидѣніемъ. Но мы видѣли, что бурная эпоха Отечественной войны и обыкновенныхъ людей среди духовенства дѣлала героями, готовыми положить душу свою за

блага родины. Въ самомъ дѣлѣ, богатырскимъ духомъ былиннаго эпоса вѣетъ, на примѣръ, отъ подвиговъ партизановъ изъ духовныхъ: о. Скобѣева, Василя Рагузина: *) Саввы Крестелева, и священниковъ регулярной арміи о. Θεодора Раевского и о. Василя Васильковскаго. Они не на словахъ только, а въ самой жизни воплотили эти великіе священные завѣты:

„Страха не страшусь.

Смерти не боюсь.

Лягу за Царя, за Русь.“

Добавимъ къ сказанному, что великія заслуги русскаго духовенства въ Отечественную войну Двѣнадцатаго года признаны и съ высоты Престола въ манифестѣ императора Александра Благословеннаго отъ 25 декабря, возвѣщавшемъ объ изгнаніи врага изъ предѣловъ отечества, и выразительно подтверждены въ наши дни въ рескриптѣ Государя Императора на имя Московскаго митрополита въ день Бородинскихъ юбилейныхъ торжествъ.

Но довольно о другихъ. Обратимся къ самимъ себѣ. Вотъ мы, внуки и правнуки отошедшихъ въ вѣчность героевъ, справляемъ нынѣ, одинъ за другимъ, отечественные юбилеи. Но пройдетъ ихъ шумъ, снимется убранство, умолкнутъ рѣчи и все торжество минетъ, какъ чудное видѣніе. Что же намъ отъ него останется? Останется, *долженъ остаться* тотъ дивный свѣточъ, о которомъ говорилось въ этихъ рѣчахъ, который свѣтилъ уму и согрѣвалъ сердце нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ во дни лихолѣтья, это — свѣточъ горячей вѣры и беззавѣтнаго служенія Царю и дорогой Родинѣ.

Да разгорится онъ яркимъ пламенемъ и въ нашей душѣ и да освѣщаетъ жизненный путь нашъ до гроба!

*) Желаящимъ ближе ознакомиться съ выдающеюся патріотическою дѣятельностью о. І. Н. Скобѣева и дьячка В. Г. Рагузина рекомендуемъ для прочтенія только что вышедшій изъ печати трудъ о. настоятеля московскаго Казанскаго собора прот. А. Никольскаго, подъ заглавіемъ: „Лица „Духовнаго Чина“ Моск. епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году“. М. 1912 г.